

Александр Муленко

АЛЁНУШКА ДА ИВАНУШКА

грустная сказка

Мамкина доля

Папку Алёнушка запомнила мокрым с головы до ног. После работы, летом, седой металлург охорашивал землю за городом у реки, питающей чахлые степи.

Папка ворочал шланги. Подвязывал неокрепшие помидорные кустики к арматуре, воткнутой в землю для прочности, для опоры неокрепшим растениям, чтобы те не упали плодами в грязь в стремлении к свету. Направлял огуречные побеги вверх по верёвочке. Их волшебные листья переплетались в купол, сохраняя влагу на грядках почти полдня. Осенью собирал урожай и дарил его детям. Шла добрая жизнь.

Но дорвался до власти Кощей, встал у руля и деловито сплюнул в сторону. Помчалось его заклятие, как проклятие, по белому свету, выворачивая чулки у сограждан, сжигая их деньги, накопленные на старость на рынках да на базарах; обездоливая до смерти. «Это инфляция, – утверждали «парламентёры». – Это нормально. Выживает только сильнейший», – заканчивали они дебаты. Садоводческое товарищество стало обузой, взносы на его содержание выросли, огородное пугало рухнуло наземь, и бойкие чёрные птицы примчались на землю за урожаем, а следом за ними пришли охотники за металлом. Пропадали лопаты, грабли, вёдра, гаечные ключи, железные трубы. Даже немногая проволока, поддерживающая ветхую старость нехитрых оград, исчезла бесследно. Испуганные люди попрытали уцелевшее добро по квартирам, однако охотники продолжали погромы. Они занялись разборкой электромашин.

Зимой папка столкнулся с ними. Он хотел остановить злодейство, но воры его избили. Папка лежал контуженый около порушенного электрохозяйства – в снегу, на морозе, где его нашла собака. Она завывала на всю округу о помощи, и люди откликнулись на этот безумный лай. Обморожения были сильные, почернели руки и ноги. Папка умер в больнице от заражения крови, а немилосердные злодеи исчезли – поди-ка, сыщи-ка ветра в поле.

Маленький Иванушка папку почти не помнил. Когда того убили, он ещё не умел одеваться без помощи Алёнушки. Красный ящик стоял посередине горницы на стульях, в избушке было много гостей. Толкая Иванушку со всех сторон, они гудели и всхлипывали. Скрипела входная дверь. Знобило, дуло. Мальчишка хныкал со всеми вместе, жался к сестрёнке. Окончательно разревелся на кладбище, когда заколоченный ящик опустили в глубокую яму. Чёрная птица-галка села на крест, около которого стоял продрогший мальчишка, и закричала хрипло, громко, со знанием жизни: «Ка-а-а-а-а!.. Ка-а-а-а!». Стылые камни гулко ударили по крышке гроба, бабы завывали, прощаясь с покойным.

– Кыш отсюда! – молил Иванушка птицу, но та сидела, как памятник, невозмутимая, ленная, ожидая, когда разойдутся люди.

Дома Иванушке дали конфету. Страхи прошли, и сильно уставший за день похорон мальчонка уснул мгновенно, не слыша поминок.

Мамка работала крановщицей в горячем доменном цехе. Было шумно и пыльно. Лампочки едва освещали площадку, на которой стропальщики обвязывали груз. Мамка откинула переднее окошко до отказа вверх, чтобы лучше их видеть, прислушиваясь, какую команду подаст рабочий, когда произошла роковая авария домны. Высока была печь, горяча. Кипящий шлак прокатился по крану, как водопад, накрывая полцеха. Эта авария унесла жизни троих рабочих. Долго лежали они под капельницами в больнице – рваные настезь, липкие, страшные. Не спали врачи, колдуя, носились медсёстры, но ожоги не заживали, и жизни угасли. Сознание на минуту вернулось к мамке. Она увидела перед собой заплаканную Алёнушку и наказала ей беречь и растить Иванушку – любимого сына. Тому уже было пять лет.

Повзрослевший мальчишка повторно стоял у гроба на кладбище, вдыхая тяжёлые запахи смерти. Глядел на уснувшую навеки мамку и совсем не узнавал её – в бинтах, загримированную. Ожоги и боли изменили лик женщины, а когда по гробу безжалостно застучали тяжёлые молотки, мальчишка вдруг понял, что возврата из этой ямы нет.

«Мамка!» – заплакал он и кинулся к ней, прощаясь. И не сладки уже были поминальные конфеты, которыми потчевали его соседи.

Крекс, пекс, фекс

Когда Алёнушке исполнилось восемнадцать, она пошла на мамкино место в горячий доменный цех. Спрятала косы, надела каску, и детство окончилось.

«Вира, Алёнушка, майна!» – кричали под краном люди, прыгал в высокой печи огонь, кружилась по цеху чёрная пыль, оседая на девичьи щёки, как макияз. Надо было растить Иванушку, лечить его и лелеять. После мамкиной смерти мальчишка стал заикаться.

Зарплату задерживали. Осиротевшие дети жили на «чулочные» деньги, полученные в наследство. Остановится, бывало, Иванушка около витрины с игрушками: гоночные машины, роботы, боевая зелёная Черепашка-ниндзя, – чего только нет! Сверкают глаза у мальчишки...

– Купи мне подарок! – попросит он у сестрицы.

– Дорого, братик! – ответит Алёнушка, погладит его, кручинясь. – Вот будут лишние деньги, куплю!

Всё понимает мальчишка. Не канючит, не плачет, как иные детишки, только мечтает о празднике, в котором рядом игрушки.

Научила его сестрица читать и писать, но что ему грамота в шесть с половиной лет? Старый букварь у Иванушки стал машиной. Отвернётся Алёнушка в сторону и: «Пи-би-и-ип! Тра-та-та!..» – мчитя книжка по дороге на кухню, петляя между столами и стульями.

– Не возьмут тебя в школу учиться!.. Ты озорник, – сокрушается девушка, отбирая учебник.

– Неп-пра-авда, Алёнушка, – заикается братец, – я уже взрослый... Я буду начальником, справедливым и честным.

Но на собеседовании с директором школы Иванушка провалился.

– Повторяй-ка за мной, – приказал ему дядька в галстук и выпалил коротечко:

– Ехал Грека через реку, видит Грека в реке рак, сунул Грека руку в реку, рак за руку Греку – цап!

Иванушка начал бойко, да запнулся на полдороге. Увяз в словах, словно машина в распутицу. Алёнушка шепчет ему подсказки. Но у мальчишки дрожит язык. Не может он вытолкнуть из себя мудрёную поговорку, а дядька его пытается, наворачивая за вопросом вопрос.

– Считать умеешь? Сколько будет пять плюс шесть?..

Глянул Иванушка бегло на пальчики рук под партой, загнул их, пересчитал: «Всего лишь десять». Поглядел он на ноги, а там – кроссовки. Не видно даже носочков. Закрыв глаза, пытаюсь представить себя разутым – трудно (считал ведь и там, как на палочках – до двадцати). Дядька торопит: «Ну, ну, Иванушка?.. Соображаешь?..». И вдруг... озарило мальчишку, что на ногах у него тоже десять пальцев, как и на руках! Расправил ладошки, загнул мизинец – одиннадцатый. А вот ответить не смог: «Оди-инн...» – и в слёзы!..

– Неправильно, – смеётся директор.

Сестрица за братца – горой! Рассказывает, что болен мальчишка, но в жизни не пропадёт. Да директор не прост – ни к чему ему такая обуза в школе, тут нянька нужна!

– Надо бы ему к врачу, – говорит Алёнушке. – К логопеду! Или в подготовительную группу для косноязычных и слабоумных – окрепнуть в науке!

Так и ушли они из школы, несолоно хлебавши.

Однажды во двор зашёл человек с большой сумкой и представился:

– Я – волшебник!

Сестрица была на работе, братец растерялся.

– Хочешь игрушку? – спросил гость и, увидев, как вспыхнули у мальчишки глазёнки, добавил: – Совершенно бесплатно!

– Так н-не быв-вает! – сказал Иванушка. – Я тебе н-не верю!

– Возьми же!.. Она твоя! Гуманитарная помощь.

Прохожий достал из сумки огромного плюшевого медведя и протянул его Иванушке.

– На-а!.. Это «Гламурная Сказка» проводит благотворительную акцию. Ты слышал про это общественное движение за облегчение жизни?

Иванушка осторожно принял у гостя предложенную игрушку. Да, он слышал про «Гламурную Сказку». Корреспонденты часто рассказывали о щедрости чародеев, имеющих власть и силу. Во время рекламы их заклинания превращали лачуги во дворцы, едва произносилось волшебное слово – ипотек. Молодцеватые скалолазы покоряли вершины, надкусив шоколад. Миротворцы срезали горы огнём, и злые волшебники, проживавшие в них доселе,

лежали ниц на земле, лишённые яда. На запылях у них сверкали стальные наручники. «Сказка» побеждала везде. Жизнерадостные герои спорта стояли на пьедесталах почёта, целуя медали, отлитые из чистого золота. Стенали народные артисты, прославляя «Сказку» концертами. Счастье било ключом из всех информационных каналов.

– И ещё, если хочешь, я подарю тебе машину.

Заворожённый мальчишка увидел, как из сумки на свет появилась пожарная машина. Сестрица никогда не разрешала ему подолгу стоять около этой машины в «Детском отделе игрушек» в страхе, что ребёнок расплатится от бессилия когда-либо её потрогать. Как-то она нашла его там и отдёрула от прилавка, отчитывая за ротозейство. Пожарная машина стояла половину её зарплаты.

– Ты меня не жалеешь! – говорила она Иванушке по дороге домой. – Ни шагу на улицу!

Чудо-волшебник достал из баула большого робота-терминатора и боевую Черепашку-ниндзя – мечты любого мальчишки.

– Мы думаем о вас, – объяснил он Иванушке свою щедрость. – В ближайšie выходные на нашем рынке будет большая распродажа игрушек по сниженным ценам. Ты передай об этом другим мальчишкам!

Но братец испугался подарков. Сестрица ему внушила, что чудес на свете нет, что бесплатный сыр бывает только в мышеловке, и строго-настрого пресекала все разговоры братца на эту тему.

– Я очень боюсь сестрицу, – признался Иванушка. – Эти игрушки мои? – он вопросительно поглядел на гостя. – Алёнушка будет меня ругать.

– Да ты не бойся!.. – успокоил прохожий.

Он расспросил, где и кем работает его суровая сестрица, восхитился Алёнушкой: «Да-а!.. Геройская девушка!», а когда узнал, что Иванушку не взяли учиться в школу, огорчился, но тут же обрадовался, когда мальчонка рассказал ему, как здорово сложил под столом на пальцах две цифры: пять и шесть, и возмутился принципиальностью директора: «Ишь ты, какой он несговорчивый оказался!». Видя, что ребёнок растаял, добавил:

– Ты знаешь, малыш?.. Я могу тебе помочь перестать заикаться! Тебя завтра же примут учиться в школу!

– Помоги! – закричал Иванушка. – Ты же волшебник!

– Но это за деньги.

Он очень долго искал в своей походной сумке лекарство от заикания. Доставал из неё и складывал на лавочку какие-то коробочки, открывал их поочерёдно, вздыхая: «Кажется, потерял!..», пообещал Иванушке «зайти на днях», мол, «запомню где оно...». Но когда увидел отчаянье в глазах у мальчишки, прозрел и нашёл искомое лекарство. Маленькая бутылочка лежала в кармане пальто.

– Да вот же она!

«Волшебное озеро» мерцало на этикетке.

– Да, да, мой мальчик!.. – сказал волшебник. – Это та самая живая вода из сказки, которая врачует все раны. Ты не смотри, что мала бутылочка. – Он поглядел на часы и добавил: – Только сегодня в пять вечера и не ранее, и не

позже свершится чудо! Выпьешь её до дна, и ты здоров! Но я не знаю, хватит ли у тебя денег, чтобы её купить?..

Волшебник огорчённо вздохнул.

– Все продавцы на белом свете говорят, что их товар очень недорог, а я вот не умею лгать покупателям! Бутылочка стоит... – задумался продавец.

Слёзы на щеках у Иванушки высохли. Он с нескрываемой надеждой заглядывал в глаза волшебнику и молил его:

– Сколько?

Тот и в самом деле назвал огромную цену. Мальчишка знал, где сестрица хранила деньги. Но волшебник просил за лекарство больше, чем у них оставалось на жизнь.

– У нас очень мало денег, – признался малыш.

– Хорошо, хорошо, я всё понимаю, – сказал волшебник. – Вы очень бедны! Я уступаю тебе это лекарство за полцены. Только вот пожарную машину и работа-терминатора я заберу обратно.

– Да, да! – согласился Иванушка. – И Черепашку, и Мишку! Если меня возьмут учиться в школу, то зачем мне игрушки? Я стану взрослым!..

Он вынес волшебнику последние деньги и забрал у него бутылочку.

– Крекс, пекс, фекс! – попрощался волшебник и исчез навсегда.